

VENTA-DV

**РАВАШОЛЬ И ВСЕ,
ВСЕ, ВСЕ**

*Все что вы прочитаете, может быть
использовано против вас.*

**Автомное издательство
2013Г**

УДАВКА, НОЖ И ДИНАМИТ

Якобы существует такой стереотип, что анархия — это хаос, а анархисты — это погромщики, которые так и норовят кого-нибудь взорвать. С ним нынешние анархисты борются, хотя он уже давненько не в моде у обывателей. Сегодняшний анархист, в глазах бюргера — это, в худшем случае говнопанк с ирокезом. В лучшем — задрот-веган, кормящий бомжей из грязной кастрюльки. Но с этими стереотипами бороться не хотят. Во-первых, отнекиваться от сурового мужчины в черном макинтоше и с бомбами-македонками в обеих руках романтичнее (все-таки чувствуется к этому самому мужчине некая сопричастность), а во-вторых, стереотипы на голом месте не рождаются...

Не знаю как кого, а меня, в свое время в анархизме привлекло именно желание кого-нибудь взорвать, а не страсть к освобождению сусликов, которую сейчас всем пытаются втюхать под видом настоящего анархизма. В дефолт 98-го моему растущему подростковому организму стало натурально нечего есть и на всю жизнь запомнилось это ощущение — когда ты стоишь, голодный, на перекрестке (причем точно знаешь, что есть сегодня не будешь), а мимо пролетает какой-нибудь джип с веселой молодежью внутри. В такие моменты очень не хватало гранаты. Теперь, в минуты, когда вроде все хорошо, сытно, тепло и с интернетом, я иногда пробуждаю в себе это воспоминание. Вообще, каждый левый должен немного поголодать для закалки своих убеждений — тогда они приобретут яркость и выпуклость.

Когда я подрос и заматерел, выяснилось, что настоящие анархисты бомб не кидают — это лишь опасный стереотип, который нужно преодолевать. Для

удобства преодоления, людьми, отрицающими всякие авторитеты, было создано несколько крайне авторитарных мифов, не подлежащих критике — миф о Кропоткине, самом Человечном Человеке, миф о Махно, величайшем Стратега всех времен и народов, обобщающий миф об испанских анархистах 30-х годов, которые уже было, создали Царство Божие на земле, но пришел лесник и всех прогнал. При этом анархистская мифология не замечает целые пласты собственно истории анархизма, которые не подходят под ее стандарт. Речь идет не только об отдельных людях или событиях, но и целых теоретических школах. Чтобы исправить это недоразумение, специально для тех, кому хочется верить в то, что анархизм — это кровь, насилие и месть эксплуататорам, стоит рассказать о такой выдающейся странице в истории анархизма, как иллегализм.

МАЛЬЧИК ИЗ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ

Имя Равашоля в нашей стране знают, хотя и не очень хорошо, какой-нибудь Монсон гораздо известнее. Да и, правда, сложновато быть кумиром для широких масс населения человеку, который зарабатывал на жизнь грабежом могил и голыми руками душил девяностолетних старичков, чтобы забрать их сбережения. Анархисты помнят его больше за строчку в дореволюционном «Марше анархистов»: *«На стоны Коммуны, на зов Равашоля»*. Значит, за что-то ценили его сто лет назад, все-таки Кропоткина и Бакунина в этой известной в узкой кругах песне не упомянули, а Равашоля упомянули.

Неудивительно, все-таки, как ни странно, не столько кропоткинская этика тянула молодежь начала прошлого

века под черные знамена, сколько образ этого жутковатого француза, который и стал родоначальником иллегализма — самого забытого и оболганного течения в анархизме.

Впрочем, сам Равашоль, до самого конца своей бурной жизни (наверное, никто не удивится, если сказать, что закончил он ее на гильотине), ни о каком иллегализме не знал. Как и положено, в житиях пролетарских святых, Франсуа Кенигштайн родился в бедной рабочей семье. Кенигштайном он был очень не долго — вплоть до того момента, когда из их немаленькой (у будущего символа анархизма было несколько сестер и маленький брат) семьи не ушел отец, тем самым обрекая ее на перманентный голод. Кормильцем стал маленький Франсуа, который настолько возненавидел отца за предательство, что навсегда отказался от его фамилии. Равашоль — это фамилия его матери, под которой он и ворвался в историю.

Европа второй половины XIX века — не лучшее место для шестнадцатилетнего мальчика, которому нужно прокормить целую ораву родственников. Смерть от голода — это не ЧП, а обычная запись во врачебных документах. Но Равашоль старался: подрабатывал учеником красильщика, играл на шарманке, пока не понял, что есть большая категория людей, у которых полно совершенно не нужных им денег. Это мертвые люди. Богачей во все времена хоронили с признаками их богатства. В далекие языческие годы в эту категорию входили рабы и животные умершего, с развитием товарно-денежных отношений безутешные родственники стали ограничиваться украшениями и наградами, в которых усопший щеголял при жизни. С этим глупым

языческим предрассудком и вступил в борьбу молодой Франсуа, уже познавший все низость и нелепость окружающего его общества. К тому же такая борьба давала возможность поправить непростое финансовое положение семьи Равашолей. Не исключался и вариант ускорения похорон — таинственный убийца дряхлых (но богатых) стариков быстро стал страшной городской легендой в северной Франции.

Казалось бы, перед нами хороший герой для голливудского триллера (безотцовщина, тяжелое детство, девиантное поведение и хэппи-энд на гильотине), но никак не герой для тысяч юношей с горящим взором. Но все дело в том, что Равашоля такая веселая жизнь не устраивала. Несмотря на всю необычность поведения, его криминальные наклонности были не велением души, а способом выжить. Излишки дохода Равашоль не спускал в кафешантанах, где только входил в моду канкан, а отдавал анархистским организациям. В ту пору Кропоткин и Реклю были еще не вечно живыми классиками, а активными участниками молодого политического движения, которое активно развивалось, так, что деньги лишними не были. Но так бы и оставаться Франсуа Равашолю одним из многих анархистских экспроприаторов (пусть и очень креативным в методах), если бы не события в Фурми и Клиши.

О борьбе за восьмичасовой рабочий день написаны книги, а история Хеймаркетских мучеников и Праздника 1 мая тоже хорошо известны. Другое дело, что многие полагают, будто после Чикагских событий начался спокойный и бескровный поход «восьми часов» по земному шару. Нет, аналогичные американским столкновения еще долго сотрясали мир, просто парни из

Чикаго отметились на этом поприще первыми. А во Франции была бойня в Фурми. Параллельно произошли аналогичные события в городке Клиши.

События в этих маленьких городках, в общем-то, были банальны до зевоты. 1 мая 1891 года на улицы вышли рабочие, потребовали сократить рабочий день, при сохранении зарплаты, пришла полиция, постреляла в рабочих — кто-то умер, кто-то отправился в далекие и экзотические страны, где много диких обезьян (французская каторга находилась в Южной Америке). Неумолимая банальность классовой борьбы. В Клиши специфика ситуации заключалась еще и в том, что полицейским был роздан еще не принятый на вооружение револьвер «Лебель», специально для испытания его боевых качеств, то есть рабочих целенаправленно шли убивать сугубо в экспериментальных целях. Вот тут на историческую сцену и вышел Равашоль, во всем ценивший творческий подход.

Для подготовки мести за рабочих Равашолю понадобился почти год, к ее реализации он приступил только в марте следующего 1892 года. Это была очень беспокойная весна — весь месяц Париж сотрясали взрывы. С интервалом в неделю, поочередно, неукротимый галл взрывал дома юристов, имевших отношение к судебным процессам по делам демонстрантов Клиши, а заодно, долбанул и казармы республиканской гвардии (это не подразделение полиции, как пишут некоторые авторы, а аналог американской национальной гвардии). Интересно, что в результате взрывов никто не погиб.

Поймали его быстро — еще бы, Равашоль был одним из первых террористов, осознавший важность пиара, как

неотъемлемой части террористической деятельности и потому особо к конспирации не стремившийся (строго говоря, анонимный террор практически не имеет смысла, кроме запугивания населения — по этой причине к нему чаще всего и прибегают государственные силовые структуры). Он продолжал жить полной жизнью, несмотря на то что его приметы были опубликованы во всех газетах Франции, а полиция массово арестовывала всех, кого можно заподозрить в причастности к взрывам. Равашоль же по прежнему общался с единомышленниками, среди которых хватало провокаторов, раздавал интервью газетчикам и очень удивился, когда в одном из парижских кафе ему заломили руки за спину и сунули под нос полицейский значок. Кафе, кстати, взорвали через несколько дней после его ареста.

Суд состоялся быстро — уже через месяц Равашоля приговорили к пожизненному заключению. Однако летом состоялся второй суд, на котором ему инкриминировали старые дела, а именно три убийства. Равашоль признался только в одном из них, да даже и по нему улики у следствия были довольно шаткие. Однако суд все равно принял сторону обвинения и 11 декабря 1892 года Франсуа Клод Равашоль, анархист, разбойник и революционер был казнен на гильотине, которую, за сто лет до этого, Франции подарила Революция. По преданию его последними словами были «да здравствует анархия!» На самом деле Равашоль крикнул с эшафота менее эффектную, но более содержательную фразу: *«Да здравствует социальная революция!»*

Незадолго до смерти, в октябре, ему исполнилось 33 года. Для еще достаточно религиозной Франции это было очень символично.

С Равашоля и началось формирование иллегализма как особого направления в анархизме. Сам он не оставил творческого наследия, за исключением речей в суде. Это одна из особенностей иллегализма; большинство его постулатов сформулированы не бородами теоретиками в толстых книгах, а мрачными детинами, в последних речах перед внимательными присяжными. Именно Равашоль сформулировал базовое положение иллегализма — индивидуальное возмещение, как обоснование деятельности анархиста и революционера. Вкратце содержание теории индивидуального возмещения можно сформулировать одной фразой: *«Как вы с нами, так и мы с вами»*. Примерно так формулировал свои убеждения Равашоль. Позже иллегализм и теория индивидуального возмещения получают серьезное теоретическое обоснование и своих идеологов. Но, в целом, вся идеология иллегализма выходит из судебных речей Равашоля, как русская литература из гоголевской «Шинели».

РЕВОЛЮЦИЯ ОДНОГО

«Если все нуждающиеся возьмут силой все, в чем они нуждаются, вместо того чтобы ждать милости от равнодушного общества, то это будет куда справедливей, чем сохранение существующего социального порядка, угрожающего жизни каждого».

Когда Равашоль писал эти слова, он и представить не мог, какой эффект они произведут на европейское общество. Тем более что произнести в суде эту речь ему

так и не разрешили, судья просто отмахнулся от очередной «анархистской пропаганды». Однако, попав в руки прессы, листок бумаги, на котором Равашоль с редкой для человека, никогда не занимавшегося литературной работой, эмоциональностью, рассказал о своем видении мира, быстро стал достоянием общественности. А лишившись головы Равашоль сделал то, что не мог сделать никто до него в течение двадцати лет — дал хорошего пинка забронзовевшему анархистскому движению Франции в частности и Европы в целом.

После разгрома Парижской Коммуны и последовавших за этим репрессий анархисты в Европе помаленьку вырождались. Время от времени собирался Антиавторитарный Интернационал в Сент-Имье. Никакого влияния на политическую жизнь он не оказывал уже хотя бы потому, что главным принципом членства в нем была неприязнь к Интернационалу Маркса (после конца последнего антиавторитарии из Сент-Имье благополучно разбежались в самые разные стороны, от карликовых террористических групп до реформистских социал-демократических партий). Проводились демонстрации под черными знаменами, начали выходить первые легальные анархистские газеты, но анархизм не как кабинетная теория и достояние кучек единомышленников, а как политическая реальность существовал только за пределами Европы: в США анархисты добились восьмичасового рабочего дня, а в России «Народная воля» взорвала царя. А европейское движение состояло из разрозненных тусовок по пятьдесят человек, которые собирались в кафе и обсуждали

модную в анархистской среде концепцию «пропаганды фактом». Правда, дальше обсуждения дело не шло.

Движение неуклонно падало в маразм, который дошел до того, что о тайном собрании 35 интеллектуальных лидеров французского анархизма (в их числе Кропоткин и Реклю), на котором они обсуждали тактику построения анархистского коммунизма, мы знаем из копии полицейского отчета. То есть кто-то из самых авторитетных анархистов Франции просто пошел и стукнул в ближайший околоток о том, как французские анархисты собрались анархию строить. Влияние провокаторов на жизнь анархистов Франции можно оценить хотя бы по тому факту, что одна из первых легальных анархистских газет Франции выходила на деньги, которые через подставных лиц ей предоставлял полицейский департамент. Тогдашние борцы с экстремизмом резонно рассудили, что если нельзя взять и раскидать по тюрьмам всех анархистов, то можно, по крайней мере, их контролировать финансово.

И на всем этом фоне неожиданно появляется человек действия, да такого, что по сравнению с ним даже профессиональные экспроприаторы ощутили себя безнадежными лузерами. Именно тогда анархизм начал формироваться как движение прямого, радикального действия. Ведь в самой по себе анархистской идеологии ничего экстремального на тот момент не было. Концепция упразднения государства и самоорганизации общества никак не призывает к непосредственному прямому действию, пусть даже ее пропагандировал такой яркий бунтарь как Бакунин. Бунт Бакунина был восстанием одного человека, Равашоль поставил индивидуальное восстание на поток. Он дал идею метод.

«Так пусть каждый поможет себе сам! Что делать тому, кто, даже работая, живет впроголодь, когда он теряет работу? Все, что он может себе позволить — это умереть от голода, и тогда общество произнесет несколько набожных слов над его трупом. И такой судьбе я предпочел стать контрабандистом, фальшивомонетчиком и убийцей».

После этих слов спокойный сон буржуа закончился окончательно. Да, буржуа боялись революции. Да, они знали, чем для них может кончиться победа пролетариата. Но это была угроза завтрашнего дня, угроза, которую можно предвидеть, можно более или менее предотвратить, можно с ней бороться засылкой провокаторов, репрессиями и подкупом. Здесь и сейчас — в своей постели, на улице, в ресторане, буржуа ничего не угрожало. Равашоль и те, кто пришел вслед за ним, положили этому конец. Преступление стало преступлением только юридически. Оказалось, что в глазах общественности оно может быть доблестью. Оказалось, что для тех, кто уже физически не может жить при капитализме, есть выход.

На усвоение урока и соответствующие выводы понадобился год. За два дня до годовщины со дня смерти Равашоля на зрительскую галерею палаты депутатов Парижа поднялся человек со свертком под мышкой. В отличие от пышущего энергией Равашоля Огюст Вальян (так звали этого невзрачного человечка, внешне похожего на больного Ленина) был типичным неудачником, как этот термин принято понимать в лучшем из миров. Первый раз Огюста судили и посадили в тюрьму еще, когда ему было тринадцать лет (за безбилетный проезд на транспорте) — и потом неудачи и кратковременные

отсидки преследовали его всю жизнь. Когда по всей Франции гремело имя Равашоля, Вальян только что вернулся в страну, из которой он уезжал, соблазвившись рассказами о баснословных заработках в Южной Америке. Работы нет, дочь и больная жена хотят есть, тридцатилетний рубеж пройден, перспектив никаких. Вальян — человек, которому терять уже нечего, человек, которого система пережевала и выплюнула. И тут другой человек, другой, но такой же не вписавшийся, объясняет ему, в чем дело:

«Анархисты правы, когда утверждают, что для того, чтобы установился повсеместный мир, должны быть просто уничтожены те причины, которые порождают преступления и преступников. Никогда эти цели не будут достигнуты путем репрессий против тех, кто, вместо того, чтобы умереть медленной смертью от болезней и лишений, предпочитает сам взять то, чего ему не хватает, пусть даже рискуя собственной жизнью, которая несла ему одни страдания».

Год спустя после того, как были произнесены эти слова, Вальян бросает в копошащихся под ним депутатов самодельную бомбу... Пословица про то, что неудачник — это навсегда, сработала лучше бомбы. Никто не погиб — парижские парламентарии отделались легким испугом. По иронии судьбы самое серьезное ранение получил только один радикальный депутат, в свое время выступивший в защиту Равашоля. Вальяна хватают, в рекордные сроки судят и гильотинируют. Напуганные власти в спешке принимают ряд законов, которые ограничивают деятельность радикальных объединений и ставят прессу под контроль полиции. Пресса не остается в долгу и дает новым законам эпитет «злодейских» (так они

теперь и называются во французской историографии — «злодейские законы»). Вдобавок наружу выплывает нешуточный скандал. Выясняется, что полиция после Равашоля решила привычными методами взять под контроль и потенциальных бомбистов. И если раньше борцы с «анархистской заразой» пытались держать в финансовой узде анархистские газеты, что еще как-то можно было объяснить широкой общественности, то теперь оказалось что бомба Вальяна собрана в полицейской лаборатории. Наивный неудачник, пытаясь приобрести взрывчатку, случайно вышел на полицейских провокаторов, которые не преминули отчитаться перед начальством о взятии на контроль еще одного опасного элемента.

Главная удача всей жизни настигает Вальяна после смерти. Он не кошмарный Равашоль, которым можно пугать детей. Вальян — типичная жертва системы. Пресса полна сочувственных статей, знаменитый Себастьян Фор берет на себя заботу о семье Вальяна. Огюст становится знаковой фигурой, его казнь это трагедия всех маленьких людей, сочувствовать которым Европу научил модный тогда Достоевский.

А всего через неделю после казни Вальяна во французской столице снова гремит взрыв. Личность нового террориста словно пытается уравновесить собой весь трагизм предыдущего. Эмиль Анри — типичный молодой бездельник с модной бородкой. Анри первым пролил кровь за идею, ни Равашолю, ни Вальяну этого не удалось — взрыв в кафе на Сен-Лазар убил одного и серьезно ранил два десятка посетителей. Двадцатидвухлетний фронт, выходец из приличной аристократической семьи (пусть и сочувствовавшей

левым идеям — отец Анри был коммунаром) стал первым анархистом нового призыва. «Пропаганда фактом» — так он объяснил принцип своих действий, шокировав старых анархистских балаболов, которые под этой максимой понимали ни в коем случае не казни случайных прохожих. В качестве мотива Анри назвал месть за Вальяна. Когда прокурор поинтересовался, какое отношение к Вальяну имели случайные посетители кафе, Анри ответил фразой, которая стала классикой:

— *Невиновных буржуев не бывает!* — и пояснил, что раскаивается только в том, что его бомба унесла так мало жизней. — *В беспощадной войне, которую мы объявили буржуазии, мы не просим милосердия,* — бросил в лицо присяжным Анри. Милосердия он и не получил.

После казни Анри произошел окончательный перелом. До него освободительное движение казалось работой на будущее. Сейчас нужно писать статьи, выходить на демонстрации, вербовать сторонников, чтобы завтра сделать революцию или, на худой конец, пройти в парламент. Первые французские бомбисты показали, что свою собственную войну, революцию одного, можно начинать в любой момент. Но окончательную точку в дискуссии о том, на что способен отчаявшийся одиночка, поставил итальянец Санте Казерио.

И Равашоль, и Вальян, и Анри подавали прошения о помиловании президенту Франции Франсуа Карно. Отклоняя их президент и подумать не мог, что подписывает себе смертный приговор. Его убийцей стал двадцатилетний мальчишка, который с трудом говорил по-французски. Казерио вырос в одном из самых глухих уголков Италии. Знаменитый криминалист Ломброзо,

который изучал личность Казерио для подтверждения своих антропологических теорий, потом напишет, что у него было всего два варианта не стать рабочей лошадкой — или идти в монахи, или идти в анархисты. Казерио выбрал второе.

Молодой итальянец имел свои, крестьянские, представления о чести, к тому же ничего не понимал в химии. Нельзя взрывать врага, полагал он. Рукопашная честней. Поэтому, отправляясь мстить за непомилованных анархистов, он прихватил с собой только нож, который и всадил в грудь французского президента, после того как тот произнес приветственную речь в Лионе, который часто называют родиной черного знамени. На эшафоте Казерио ничего не говорил о революции. Последними его словами стали: «Смелее, товарищи!»

После убийства Карно мир понял, что теперь от анархиста-одиночки не застрахован никто, даже глава одной из ведущих стран мира, границы, которой простираются от Южной Америки до Индокитая. Народовольцам для убийства Александра II понадобилось много лет и спаянная железной дисциплиной организация. Казерио — страстное желание мести и нож. Анархистское движение вступило в новую фазу. Теперь свою собственную революцию мог сделать каждый желающий.

«Сколько не зажимайте нам рот, а слово истины разнесется по земле. И люди встрепнутся при его звуках. Они поднимутся при кличе свободы и сделаются кузнецами своего счастья!»

Эти слова взяты из речи Анри на суде. Слово разнеслось, и люди встрепнулись. Правда, счастье для всех выковать не удалось, зато череда несчастий обрушилась на правящие круги Старого и Нового света.

Уже через два года после казни Казерио его земляк Луиджи Луккени переплюнул смелого крестьянина и по резонансности убийства и по необычности способа расправы. Луиджи прирезал императрицу Австрии Елизавету — особу королевской крови, между прочим, а не какого-то выбранного всеобщим голосованием президента. А чтобы никому не пришло в голову обвинить его в подражательстве, Луиджи пошел на дело с заточенным напильником. На всех сохранившихся фотографиях Луккени улыбается. Он вообще был типичным итальянцем: любил хорошую еду, вино и женщин. В сочетании с медведеобразной внешностью (Луккени был похож на плохо выбритого Шварценеггера, чем выгодно выделялся на фоне заморенных голодом французских радикалов) это произвело такой эффект на присяжных, что он стал первым иллегалистом, не приговоренным к смертной казни.

А в Америке, где Беркман и Гольдман, не покладая рук, создавали «анархизм с человеческим лицом», был Чолгош. Венгерский эмигрант, вдохновленный мифом Хеймаркета надеялся встретить в Нью-Йорке, по меньшей мере, вооруженное подполье, а нашел только богемные тусовки. На одной из них он обругал всех американских анархистов конформистами, ничего не понимающими ни в анархизме, ни в борьбе, после чего купил пистолет и застрелил президента МакКинли. Леон Чолгош стал первым анархистом, казненным на электрическом стуле.

Список громких анархистских терактов конца XIX-начала XX века почти бесконечен. Не было практически ни одной европейской страны от Испании (взорван премьер-министр Каналехас) до Греции (застрелен король Георгий), где на счету анархистов не было бы какого-нибудь заметного представителя власти. За этими убийствами не стояло никаких требований, только месть, зачастую облеченная в абстрактные формы. Это было своеобразной ролевой игрой: анархист-одиночка выступал от имени всех угнетенных, а представителю власти навязывалась роль представителя всех угнетателей. Иллегалисты первыми подняли проблему, которая вновь станет актуальна только в середине века, в трудах французских экзистенциалистов, преломленных через движение Сопротивления. Что делать, если весь мир против тебя? В чем искать опору в мире всеобщей лжи, наживы и предательства? Как поступать, если лично ты в таком мире жить по-прежнему уже не можешь? Иллегализм давал простой ответ — в индивидуальном возмещении! Тебя и таких как ты держат за скотов, грабят, не платят, не замечают? Поступай еще гнуснее по отношению к тем, кто это делает! Сколько бы не было мерзавцев на верху социальной пирамиды — в твоих силах сделать их меньше хотя бы на одного, а там, глядишь, и другие задумаются. И кстати, задумывались. Например, после того, как Казерио убил Карно, необоснованные репрессии против анархистов резко пошли на убыль, а всем, не замешанным в серьезных преступлениях левым, против которых были выдвинуты обвинения, объявили амнистию.

Но политическое убийство — это предел для одиночки. Это конец не только для жертвы, но и для

убийцы. К тому же, для освободительного движения в целом, эффект от таких актов, помимо чисто пропагандистского, невелик. Строго говоря, террорист живет (если опять же рассматривать жизнь с экзистенциалистских позиций) только раз — в момент самого покушения. Но жизнь, вопреки всяким правилам и законам, вполне может приносить пользу и не ограничиваться исключительно одним-двумя терактами. На практике это доказали «мирные иллегалисты» и человек-легенда Мариус Жакоб.

Человек-легенда — это не красное словцо для характеристики никому не известного за пределами Франции воришки. Жакоб до сих пор жив не только в туристических путеводителях (его последнее пристанище является местом паломничества людей, не имеющих никакого отношения к анархизму), но и в массовой культуре, в том числе и российской. Прототип Жакоба, например, выступает антагонистом сыщика Фандорина в одной из повестей модного детективщика Акунина. Всякому ценителю детективной классики многое скажет имя Мориса Леблана и героя его многочисленных произведений — Арсена Люпина, благородного вора-джентльмена. Своего героя Леблан создал на основе материалов процесса Жакоба, не только самого известного вора Франции, но и убежденного анархиста, всего-то полтора десятилетия не дожившего до Красного Мая.

Впервые право каждого на кражу анархисты признали еще до Равашоля и концепции индивидуального возмещения. В 1887 году в Париже состоялся процесс Дюваля. Клемент Дюваль, ставший на франко-прусской войне инвалидом, вынужден был начать воровать из-за

невозможности найти работу. В тюрьме он примкнул к анархистской группировке «Пантеры Батиньоля», которая часть награбленного передавала анархистским группам и кассам рабочей взаимопомощи. Знаменитость Дюваль приобрел после того, как убил пытавшегося арестовать его полицейского. *«Именем закона, вы арестованы»*, — согласно легенде, сказал тот Дювалю. *«Именем свободы, ты отменен!»* — прорычал Дюваль перед тем, как вонзить в него нож. *«Когда общество отказывает вам в праве на существование, вы должны взять его самостоятельно»*, — заявил убийца уже на суде. Анархистская пресса поддержала Дюваля и настроила в его пользу общественность, поэтому вместо гильотины он получил каторжный срок во французской Гвиане (где прославился 20 попытками побега, последняя из которых увенчалась успехом). История этого вора по необходимости, в сочетании с идеей индивидуального возмещения и привела к появлению «мирного иллегализма». И если Дюваль был его Иоанном Предтечей, то Жакоб стал Мессией.

Жакоб успел прожить бурную жизнь, прежде чем стать родоначальником иллегализма как образа жизни. Еще в детстве его отдали в юнги, и он вырос на корабле, который носило по всему миру, и капитан которого не брезговал мелким пиратством. Но вместо экзотики дальних стран Жакоб досыта хлебнул доли матроса, а также пришел к выводу, что пословица «хорошо там, где нас нет» не имеет никакого отношения в действительности. *«Я видел мир, это некрасиво»*, - скажет он своим родственникам, когда, повзрослевший, вернется в родной Марсель.

Привыкший к простой и непредсказуемой морской жизни, Жакоб быстро примкнул к самому радикальному движению общественно-политической жизни Франции. На дворе стоял 1897 год и вдохновленные подвигами иллегалистов, анархисты всей страны варили динамит. Причем, делали это в таких объемах, что в некоторых городах власти были вынуждены пойти на запрет использования определенных видов кастрюль, наиболее удобных для приготовления взрывчатки в домашних условиях. Эксперименты с динамитом и привели Жакоба к аресту. Правда, пяти годам одиночки, к которым его приговорили, Жакоб предпочел симулировать сумасшествие. А сбежать из психбольницы оказалось делом техники.

На свободу вышел уже другой человек. Во-первых, теперь его звали Мариус (при крещении Жакоб получил имя Александр, но оно всегда казалось ему слишком длинным), а во-вторых, новоиспеченный Мариус навсегда зарекся иметь дело с динамитом и терроризмом. Мирный иллегализм — вот его ответ мерзостям буржуазного мира! Жить наперекор всем законам и возмещать ущерб, который наносит буржуазный порядок всем угнетенным, необязательно кого-то взрывая. От кражи толку гораздо больше. Жакоб первым продемонстрировал, что иллегализм может быть гуманистичен. «Рабочие ночи» (так он назвал свою организацию, в которую одномоментно никогда не входило больше 10 человек) грабили только богатых, а награбленное отдавали бедным. История, известная еще со времен Робин Гуда, но, к сожалению, в реальной жизни почти никогда не встречавшаяся.

За три безумных года «Рабочие ночи» совершили почти две сотни краж, и практически каждая из них была произведением искусства. То «Рабочие» обкрадут тщательно охраняемую квартиру, просто выпилив потолок, то священники, придя на утро в церковь, обнаружат надпись над алтарем «Всемогущий бог, найди тех, кто тебя обокрал». И все это время отряд отважных экспроприаторов никогда не забывал, для чего они это делают. «Рабочие ночи» не воровали. Они возвращали украденное. Сироты, вдовы и калеки добрым словом вспоминали Жакоба и его товарищей, которые помогли им справиться с нуждой.

Провал пришел, когда «Рабочие» нарушили собственные правила. По заведенным у них правилам, никого нельзя было убивать, прерогатива мирного иллегализма — это исключительно кражи. Но обстоятельства сильнее нас, и, убегая от преследования в городке Аббивиль, Жакоб с товарищем убили полицейского. В начавшейся облаве их и схватили. Но никто не ждал, во что превратится состоявшийся через два года суд. Впервые во Франции преступник, настоящий живой преступник, а не опереточный Рокамболь, стал даже не объектом сочувствия, как Вальян, а настоящим положительным героем. По легенде во время суда матери показывали судьям своих детей со словами: *«Если бы не Жакоб, он бы умер от голода!»*, — а многочисленные демонстрации протеста прокатились по всей стране. Тогда же личностью Жакоба заинтересовались писатели и художники.

Жакоб, как и все иллегалисты до него, не просил снисхождения: *«Я всего лишь использовал кражу как средство восстания, самого соответствующего для*

того, чтобы сражаться с самым несправедливым из всех видов воровства: частной собственностью... Я революционер, живущий за счет буржуа!»

Как и Дюваль до него, Жакоб был приговорен к каторге, с которой ему удалось вернуться только в конце 20-х годов, после запрета каторжных работ во Франции. Дальнейшая его жизнь прошла не менее активно: он писал статьи в анархистские газеты, участвовал в протестах против выдачи Дурутти в Испанию, а потом ездил в Испанию же, помочь восставшим, когда там началась гражданская война, прятал партизан в своем доме во времена фашистской оккупации и написал книгу воспоминаний. В ней он, в частности, признал, что иллегализм — это не способ строительства нового мира. Это метод жизни в мире старом, для тех, кто не хочет подчиняться его бесчеловечным законам. Жакоб знал, о чем говорит, не только по своему опыту. Пока он сидел на каторге, во Франции на весь мир прогремела банда Бонно, навек ставшая эталоном иллегалистской группировки...

ЗА ПОЛВЕКА ДО КАМЮ

XX век уже в свой первый десяток принес в жизнь человечества массу нового. Вслед за удивленными бурами, мир открыл для себя концлагеря и пулеметы. Не лучшие умы Европы, Гвидо фон Лист и Хьюстон Чемберлен, пробовали на вкус непривычные речевые обороты — «раса господ» и «арийское возрождение». Автомобили, против которых никто еще не протестовал и не называл убийцами природы, только начали давить первых зазевавшихся прохожих. Для быстро набиравшей оборот молодой киноиндустрии век обещал быть зрелищным.

А у французских индивидуалистов произошел диалектический скачок. Их среда, вместо бомбистов и грабителей неожиданно начала порождать интеллектуалов. Французский индивидуализм и иллегализм после 1905 года — это, в первую очередь, газета «Анархия». Газета-шок. Как и те, кого она вокруг себя собрала.

Отцом французской «Анархии» стал Альберт Либертад, человек во всех отношениях примечательный. Сирота, выросший в приюте, к тому же инвалид детства (у Либертада были парализованы ноги) он своей энергичной проповедью свободной любви быстро стал одним из секс-символов Парижа. Известный впоследствии левый публицист и троцкист Виктор Серж, в те годы сотрудничавший с «Анархией» вспоминал, что Либертад ухитрялся сожительствовать исключительно с сестрами двойняшками, а свои костыли активно использовал в драках с полицией. При всей своей бурной жизни Либертад стал главным интеллектуальным рупором иллегализма. Талантливый журналист, он сотрудничал со многими левыми изданиями страны, а публиковаться в его «Анархии» было престижным в журналистском сообществе, вне зависимости от политических предпочтений. Газета готовая оправдать даже дьявола, если он анархист, газета открыто со своих страниц призывавшая грабить и убивать поспособствовала тому, что Франция стала первой страной в мире, где начало формироваться то, что сегодня называют анархистской субкультурой. Именно тогда появились первые прото-сквоты (правда индивидуалисты не захватывали заброшенные помещения, а просто, однажды вселившись целой коммуной, отказывались

платить хозяину, угрожая перестрелкой) и даже первые «стрэйтэджеры». Среди индивидуалистов той поры был распространен отказ от мяса, сахара, соли, табака, алкоголя и ряда других продуктов. Правда, делалось это не по тем причинам, по которым сегодняшние стрэйтэджеры без кавычек ограничивают свой рацион. Не в последнюю очередь благодаря «Анархии» в моду вошел «научный образ жизни». А есть мясо, пить вино — это ненаучно. Погрязая в рутину модных правил, предписаний и «анархистского» образа жизни движение если и не деградировало, то сильно подрастеряло свой радикальный лоск. На смену убийствам пришел мордобой с арендодателем, а экспроприациям банков, анархо-индивидуалисты предпочитали кражи в продуктовых лавках, которые на некоторый период стали настоящим лицом движения и бичем лавочников. Быть иллегалистом стало весело и безопасно. Прочие левые, даже «коллеги» синдикалисты и анархо-коммунисты сторонились шумных родственников, как повзрослевшие братья стараются иметь поменьше общего с непутевым «вечным студентом».

В эту развеселую атмосферу постоянного праздника однажды вечером пришел Жюль Бонно. Вместе с ним праздник кончился.

Либертад умер в 1908 году в результате очередной драки. После его смерти «Анархия» и так не числившаяся в списке самых спокойных изданий Франции, радикализовалась еще больше. Дружный коллектив авторов, живший, как полагалось тогда у анархистов, коммуной, отдавал все силы проповеди «пропаганды действием».

«Здравствуйте, я Жюль Бонно и мне некуда больше идти», — поприветствовал самых радикальных журналистов Франции этот невысокий человек с франтоватыми усиками. Ему уже исполнилось тридцать пять, а анархистом его сделала дочь. Она умерла от голода, потому что семье Бонно было нечего есть, несмотря на то, что сам глава семейства за франтоватую внешность носил прозвище «Буржуа». Это событие разуверило Бонно в профсоюзной борьбе и привело на порог «Анархии». Горячим газетчиком, которые до сих пор грабили и убивали только в статьях, Бонно, уже совершивший несколько краж и имевший опыт работы с сейфами, понравился. А ему понравилась идеология «Анархии».

Бонно имел очень редкую по тем временам специальность — автомеханик, что сыграло значительную роль в лебединой песне иллегализма. Свою первую же экспроприацию Бонно и компания газетных агитаторов (хотя кто кого тут сагитировал — большой вопрос) совершили на угнанном автомобиле, чем навсегда вошли в историю криминалистики. До них еще никто не додумывался угонять для преступлений машины. Более того, до автомобилей не додумалась и французская полиция, которая безуспешно гонялась за лихими угонщиками на велосипедах. А крутить педали пришлось много — полгода «Банда Бонно» вела настоящую герилью против всей Франции.

Индивидуалисты из «Анархии» не щадили никого, предпочитая все проблемы решать с помощью револьвера. Это было «по науке», зачем оставлять свидетелей, когда их можно убить? Правда такое отношение к случайным прохожим не очень хорошо

сказалось на популярности группы — до Равашоля «Банде Бонно» было далеко, хотя модные журналы и не стеснялись публиковать интервью Жюля (собственно сам термин «Банда Бонно» и принадлежит одному из интервьюеров). Но им было уже плевать, на то, что о них думают. Словно в омут они коллективно нырнули в истинную реальность Бунта, где не было места сантиментам. Банда вышла на полное самообеспечение: передвигалась на угнанных автомобилях, жила за счет экспроприированных денег, убивала из похищенного в оружейных магазинах оружия, демонстрируя тем самым квинтэссенцию иллегализма. Вершиной карьеры Бонно стало убийство Жуэна, второго полицейского Франции. «Буржуа» достойно отомстил обществу за свою дочь, правда, ненадолго пережив свою главную жертву: после долгих поисков полицейские осадили дом, в котором скрывался Бонно. В результате многочасовой осады им так и не удалось взять его живым, дом просто взорвали вместе с находившимся в нем анархистом. А для того чтобы уничтожить еще двух членов группы — Гарнье и Вале, полицейским пришлось пригнать армейскую артиллерию. Даже с революционерами-одиночками капитал расправляется предельно жестоко. На Бонно закончился иллегализм как идейно-политическая практика. Через два года после его смерти началась Первая Мировая война. Мир окончательно стал другим.

Нет смысла подробно рассказывать о том кого убили и что успели украсть двенадцать отважных анархистов — источников по «автомобилистам Бонно» на русском языке достаточно. Удивительно то, что поразительным образом короткая история «банды» (Бонно и его товарищи не стыдились этого слова, а, напротив, всячески

им бравировали) напоминает стандартную биографию европейских городских партизан 60-70-х гг. прошлого века, всех этих РАФ, «Аксон Директ» и прочих «Тупамарос». Группа интеллектуалов, с одной стороны разочаровавшаяся в «радикалах» замкнувшихся в своем псевдореволюционном гетто, а с другой не желающая участвовать в маразме «большой политики», берется за оружие и делает свою революцию. Иллегалисты, от Равашоля до Бонно, начерно писали то, чем будут жить левые через полвека после них. Своей и чужой кровью они делали наброски экзистенциализма, очерчивали контуры городской герильи, предвосхищали судьбы своих последователей, которые, зачастую и не догадывались о таком родстве. Точно так же и государство, которое всего через два года после смерти Бонно перемелет миллионы своих граждан в Марнской и Верденской мясорубках, со звериной жестокостью отомстило всем, кто имел неосторожность высказать если не слова одобрения, то хотя бы сочувствие первым городским партизанам Европы. Беспрецедентные по жестокости приговоры, тюремные сроки для журналистов, которые всего лишь писали о Бонно, как о революционере, а не о сумасшедшем (именно это ждало, например, Сержа). Тоже самое повторится через столетия в годы «немецкой осени».

Парижская коммуна стала первым опытом социалистической революции, так она и вошла в нашу память. Но первый опыт городской партизанской войны против капитала и государства остался за пределами исторического багажа российских левых. Хотя в отличие от левацких террористов второй половины века иллегалисты остались не только в радикальных листовках

и в книгах профессиональных «левоведов». После смерти Бонно фигурки с изображением членов его группы продавались как изображения святых, Мариус Жакоб стал героем популярных бульварных романов, а песни про Равашоля пели на многотысячных митингах. Опыт войны группы одиночек против всех пригодился в годы французского Сопротивления — недаром заметную роль в нем играли испанские анархисты-эмигранты, хорошо помнившие уроки Дуррути, который в своей жизни многое воспринял из практического багажа иллегалистов. Возможно, что полезным этот опыт может оказаться и сейчас, когда в условиях кризиса, разобщенности и малочисленности левых сил, на историческую сцену снова выйдет фашизм. И тогда перед каждым из нас встанет выбор — или смириться с окружающим миром или начать свою персональную революцию, потому что другого выбора не осталось.

Venta-Dv, 2009г.

ЗОВ РАВАШОЛЯ

Я не ставлю своей речью цель защититься от того, в чем меня обвиняют, потому что это общество ответственно за непрерывную борьбу каждого за себя. Во всех его слоях мы видим людей, которые желают если и не смерти, то, по крайней мере, неудачи своему ближнему, потому что эта неудача поможет улучшить их собственное положение. Разве промышленники не желают смерти своим конкурентам? Разве не хотят торговцы остаться единственными в своей сфере занятий, чтобы воспользоваться всеми преимуществами этого? А надежда получить работу дает право безработному ждать, что кто-то ее лишится. В обществе, в котором все это происходит, нет причин удивляться тем поступкам, в совершении которых меня обвиняют — они лишь логическое продолжение общей борьбы каждого человека за свое выживание. Все это приводит к мысли: «Раз таков порядок вещей, могу ли я колебаться в выборе средств, если голоден, даже если это повлечет жертвы. Разве хозяева, увольняя рабочих, беспокоятся о том, что те могут умереть от голода? Как кто-то может жить в роскоши, если рядом живут те, у кого нет даже самого насущного?»

В мире есть благотворители, пытающиеся уменьшить страдания, но они бессильны помочь каждому. Кто-то из несчастных умрет преждевременно от голода и лишений, кто-то убьет себя сам, чтобы положить конец тому несчастному существованию, в котором он вынужден сносить голод, позор и оскорбления, а кто-то будет бессильно наблюдать их конец. Мы знаем семьи, которые убили своих детей, чтобы не видеть их мучений и как

женщины, с ужасом представляющие, что ждет плод их любви, без колебаний идут на его убийство.

Еще можно было бы понять, будь сейчас голод, но это происходит среди всеобщего изобилия. Это происходит во Франции, где мясные лавки набиты мясом, пекарни хлебом, где магазины завалены одеждой, где есть незанятое жилье! Как можно утверждать, что в обществе все благополучно, когда так ясно видно обратное? Общество может испытывать жалость к жертвам, но отговариваться от них тем, что ничего не могут поделать. Так пусть каждый поможет себе сам! Что делать тому, кто, даже работая, живет впроголодь, когда он потеряет работу? Все что он может себе позволить — это умереть от голода и тогда общество произнесет несколько набожных слов над его трупом. И такой судьбе я предпочел стать контрабандистом, фальшивомонетчиком и убийцей. Я мог бы попрошайничать, но это трусость, к тому, же караемая вашими законами, для которых бедность — это преступление. Если все нуждающиеся возьмут силой все в чем они нуждаются, вместо того чтобы ждать милости от равнодушного общества, то это будет куда справедливей, чем сохранение существующего социального порядка, угрожающего жизни каждого.

Очень быстро приходит понимание того, что анархисты правы, когда утверждают, что для того, чтобы установился повсеместный мир, должны быть просто уничтожены те причины, которые порождают преступления и преступников. Никогда эти цели не будут достигнуты путем репрессий против тех, кто, вместо того чтобы умереть медленной смертью от болезней и лишений, предпочитает сам взять то, чего ему не хватает,

пусть даже рискуя собственной жизнью, которая несла ему одни страдания.

Поэтому я совершил те поступки, в которых меня обвиняют и которые являются только результатом варварского состояния нашего общества. Его законы суровы к последствиям, но ничего не могут поделать с причинами, которые эти последствия породили. Это заставляет вас убивать себе подобного, потому что вы боитесь, что та же участь может постигнуть и вас.

Господа присяжные, вы несомненно приговорите меня к смерти. Вы полагаете, что это необходимо, а моя смерть удовлетворит вас. Вы колеблетесь не больше, чем я, когда мне приходилось убивать, с той лишь разницей, что вы ничем не рискуете, я же в такие минуты рисковал своей жизнью.

Господа присяжные, немногих преступников вам придется судить, если уничтожить те причины, которые порождают преступность! Авторы уголовного законодательства не трогают причины, борясь с их последствиями, а значит, они никогда не смогут победить преступность. И пока это так, преступность неискоренима. Сегодня вы убьете одного нарушителя закона, но завтра на его место встанут еще десять.

Вам нужно всего лишь уничтожить бедность, просто дав людям все самое необходимое. Для этого необходимо перестроить общество по новым принципам, нужно создать такое общество, в котором люди будут единым дружным коллективом, в котором каждый, работая согласно его возможностям, мог бы потреблять в соответствии со своими потребностями. Тогда, и только тогда не станет ни жертв, ни рабов денег. Мы больше не увидим, как женщины меняют себя на золото и как

мужчины идут на убийство ради него же. Причина всех преступлений одна, и нужно быть дураком, чтобы не замечать ее.

Я обращаюсь и к вам, господа присяжные, используйте свой разум и свои способности, для того чтобы преобразовать общество. Тогда вы легко уничтожите причины преступлений — это будет иметь во много раз больше смысла, чем все ваше «правосудие».

Я всего лишь плохо образованный рабочий, но именно поэтому, я лучше, чем буржуа, чувствую всю несправедливость ваших законов. Что дает вам право убить или посадить в тюрьму человека, который всего лишь брал то, что ему было необходимо для собственного выживания?

Я работал, чтобы выжить самому и прокормить мою семью; пока этого хватало на жизнь, я был тем, кого вы называете честным. Только когда в мою жизнь вошли голод и безработица, я был вынужден совершить те поступки, в которых я признался перед вами.

Судите меня, господа присяжные, но помните, что перед вами несчастный, которого бедность и естественная гордость сделали преступником и которого свобода и изобилие сделают честным человеком.

Общество могло бы сделать честными всех!

Последняя речь перед казнью

Равашоль, 1892г.

Перевод — Venta-Dv

VENTA-DV.LIVEJOURNAL.COM
GOODBOOKS.NOBLOGS.ORG